

Автор Андрей ГАЛАМАГА

* * *

Нечаянно родившись заново,
Я снова начал этим летом
Читать Георгия Иванова
И спать с невыключенным светом.

Таилась в оболочке будничной
Непредсказуемого завязь;
По сретенским невзрачным улочкам
Мы шли, ладонями касаясь.

Там, где случайного прохожего
В урочный час не чаешь встретить,
Лучей причудливое крошево
На нас раскидывало сети.

Жара под крыши горожан гнала;
Но ты, без преувеличенья,
И в зной казалась краше ангела,
Увиденного Боттичелли.

И облака – благие вестники –
Струились высью голубою
От Сухаревки до Рождественки,
Благословляя нас с тобою.

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Последним воскресением зимы
По узким улочкам Замоскворечья,
По тем местам, где вместе были мы,
Пройтись, наружу вырвавшись из тьмы,
И не отчаяться, и не отречься.

Казалось бы, всего на полчаса
Нам стоит оказаться на Ордынке,
И снова ты поверишь в чудеса –
Прекрасна, как весенняя роса
На тоненькой нетронутой травинке.

Часы застыли. Тиканье пружин
Прервалось на последнем обороте.
Я снова жив. Но снова здесь один,
Как будто безраздельный властелин
Всех проходных дворов и подворотен.

Мы знали тайну. В предрассветный час
Они, как музыкальная шкатулка.
Их звук с тобой мы слышали не раз,
И не было волшебнее для нас
Замоскворецких сонных закоулков.

Я не могу поверить, что сюда
Ты больше никогда не возвратишься.
Что я один – невелика беда,
Но нет страшнее слова – никогда,
Из словаря посмертного затишья.

И каждый день, как грешник, по утрам
Я нашему молнюсь Замоскворечью.
Брожу по переулкам и дворам
И жду, что небо улыбнется нам,
И ты – нечаянно шагнешь навстречу.

* * *

Полянка, Якиманка и так далее, –
Вся тайнопись заветных наших встреч.
Спасибо, улочки, за то, что лгали мне,
От худшего стараясь уберечь.

Спасибо вам за то, что вы не предали,
Не вытолкнули за борт на авось;
Что с глазу на глаз со своими бедами
Ни разу мне остаться не пришлось.

Каретный Ряд, Петровка не помянут нам
Грехов, противоречий и проблем.
И я себя не чувствую обманутым,
И верю, ты ушла не насовсем.

Я знал и пострашнее испытания,
И я не стану попусту скулить.
И никого взамен искать не стану я,
Чтоб от себя – тебя освободить.

Друзей на суд не созывали все мы.
Кому дано направить реку вспять?
Но ты по-прежнему непредсказуема,
И кто подскажет, что нам завтра ждать.

Остоженка, Волхонка, помогите нам
Вернуть однажды проторенный путь.
Пусть препятствий видимо-невидимо,
Но я упрямый, я готов рискнуть.

* * *

Она сидела и скучала,
Откинувшись к диванной спинке,
И из салфеток вырезала
Восьмиконечные снежинки.

Подрагивал огонь огарка,
И было не до разговора.
Лишь ножнички сверкали ярко
Из маникюрного набора.

Так длилось с полчаса примерно.
Она вставать не торопилась.
Я никогда не знал наверно,
Что на уме ее творилось.

Чему-то молча улыбалась,
И, как рождественская сказка,
Прекрасней ангела казалась
Согревшаяся кареглазка.

Рок, над которым был не властен,
Я пробовал умилосердить,
И бесконечно верил в счастье,
Как верит праведник в бессмертье.

О, Боже, как я был беспечен,
Мне было ничего не надо
Кроме сошедшего под вечер
Рождественского снегопада.

Снежинки кружевом бумажным
Стелились по полу лениво,
Как в фильме короткометражном
Из довоенного архива.

Понять, что происходит с нею,
Я все пытался сквозь потемки.
Но становилось лишь мутнее
Изображение на пленке.

И я сознался, что навряд ли
Смогу остановить мгновенье.
Едва мелькнув в последнем кадре,
Она исчезла в затемненье.

СТАВРОПОЛЬ

В конце Великого поста
Я прилетел на торжества,
Спасаясь от столичных мает,
В тот край, где воздух невесом,
Где ангел золотым крестом
Хранимый город осеняет.

Все собрались. Заполнен зал.
Мне председатель слово дал.
Но тут произошла заминка.
Смотрю – прелестна и стройна,
Притом неслыханно скромна;
Ну сразу видно – абазинка.

Как лезвие, пронзает взгляд,
И платье легкое до пят
Переливается, кольшась.
Не удивляюсь, что тогда
Я речь свою не без труда
Сумел произнести, не сбившись.

На суше или на воде –
Я не встречал таких нигде.
О, эти девушки Кавказа!
Хоть запирайся, хоть молись,
От вас так просто не спаситься;
Тут нужен талисман от сглаза.

Но где б я ни был, – Боже мой! –
Она – стоит передо мной,
И нету на земле прекрасней.
Куда б ни завели пути,
Она, как ангел во плоти,
Хранит с тех пор от всех напастей.

НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ

*Памяти девушек 46-го Гвардейского
авиаполка посвящается*

Напрасно вы нас ведьмами прозвали.
Вам ведьмы сроду были нипочем;
Столетиями легко вы побеждали,
Пытая их железом и огнем.

Зря скалите озлобленные пасти,
Всё будет по-другому в этот раз;
Железо и огонь – не в вашей власти,
Теперь они обрушатся на вас.

За каждое земное злодеянье
Вы приговорены нести ответ.
Мы девушки – небесные созданыя,
Но для врага – страшней ста тысяч ведьм.

Нас голыми руками не возьмете,
Когда, прожекторам наперекор,
Бесшумно мы на бреющем полете
На цель заходим, заглушив мотор.

Кто сманит нас благополучным раем?
На восемьдесят бед – один ответ!
И даже если в небе мы сгораем,
Тем, кто за нами, – пролагаем след.

Бессильны ваши ненависть и злоба.
Мы тут, мы там, вокруг – со всех сторон.
Хоть не сомкните глаз, глядите в оба,
Мы наяву – ваш самый страшный сон.

И вам нигде не отыскать спасенья, –
Забившись в щель, ползком иль на бегу.
Нет, мы не ведьмы, мы – богини мщенья,
Не знающие жалости к врагу.

* * *

Не тоска – а уходить пора.
Над рекою месяц звезды удит.
Завтра будет то же, что вчера;
Это значит – ничего не будет.

Дом остыл, как ветхий монастырь,
И огонь в печи гудит, не грея.
На столе – старинная Псалтирь,
Образок Апостола Андрея;

Письма Пушкина (десятый том);
Твой забытый адрес на конверте...
Белый лист с не начатым письмом
Так и пролежит до самой смерти.

Листопад – который день подряд
Все вокруг окутывает прахом.
Может, съездить в Сергиев Посад?
Помнишь, мне хотелось стать монахом?

Срок истек – как видно пожил впрок
Бывший странник в нашем мире странном.
Если вспомнишь – помолись разок
О твоём Андрее первозванном.

ПАРИЖ

Москвою снова правит листопад.
Почти тысячелетие подряд
Усталая листва под ветром сохнет.
Пускай непритязателен, но храбр, –
Берет палитру с красками октябрь
И сурик густо смешивает с охрой.

День-два – и город тяжело узнать;
Едва ли это можно оправдать
Издержками сезанновского взгляда.
Он был замысловат, лукавый галл,
Но сам себе при этом он не лгал,
И, стало быть, его винить не надо.

Париж всегда был тайной под замком,
И все ж казалось, – нас туда пешком
Вела географическая карта.
Уж за семь лет с тобою как-нибудь
Небрежно мы преодолели путь
От Крымской набережной до Монмартра.

Там тот же листопад во всей красе;
Но все под дебаркадером д'Орсе
Предпочитают черпать впечатленья.
А я, набрев на игроков в шары
На пяточке у сада Тюильри,
Был счастлив, как участник приключенья.

Я смог припарковать «Рено» на спор
У самой базилики Сакре-Кёр,
Как будто выиграл пари на тыщу.
Сведя на полушепот разговор,
Мы не спеша с тобой прошли в собор,
Кощунственно не подавая нищим.

Перед тобой рассеивалась тень;
Степенно, со ступени на ступень
Ты восходила, словно королева.
И верилось, что мир – неразделим,
И нас хранит Саровский Серафим,
Как нас хранит святая Женевьева.

Через три дня, на праздник Покрова
Нас будет ждать осенняя Москва,
Дождливых улиц дрожь и ветер колкий.
Но вновь Парижем станет воздух пьян,
Когда с тобой нас позовет Сезанн
К Цветаевскому дому на Волхонке.

ДЕВОЧКА В ОЧКАХ

Сырая ночь осеннего поселка,
Пора затишья и пора стихов;
Блестит звезда с небесного осколка,
Прорезавшего пряжу облаков.

Все звуки потонули в непогоде,
Лишь слышен скрип запечного сверчка.
И в этот час опять в мой дом заходит
Застенчивая девочка в очках.

Промокшая, она спешит разуться
И в кресло у камина сесть скорей,
А я боюсь не то, что прикоснуться,
Но даже робко обратиться к ней.

Мы просидим в неслыханном молчанье,
Покуда за окном забрезжит свет,
И блики, отраженные очками,
Поблекнут и начнут сходить на нет.

Рассвет тесней обступит стены дома,
Неясно донесутся голоса;
Меня сморит безудержная дрема,
На миг забывшись, я сомкну глаза,

Почувяв тотчас локонов кудрявых
У самого лица прощальный взмах,
Прикосновение тоненькой оправы
И пылкость поцелуя на губах.

ИЮЛЬ

А помнишь, ты приехала в мой дом,
И первый раз тебя я встретил в нем,
Назвав тебя по имени? Вдвоем
Мы вышли за водой, когда уснули,
Устав от бесконечной болтовни,
Друзья; и я был счастлив, что они
О нас забыли. Мы ушли одни,
И были ночи, и тянулись дни
В медлительном безветренном июле.

Июль, твой тезка, как он был хорош,
Он на тебя был чуточку похож:
В нем уживались искренность и ложь, –
Сгорал от страсти и искал прохлады,
Скрывал свой ум перед умом друзей,

Но был умней своих учителей,
Неторопливый, он мечтал скорей
Спасти весь мир улыбкою своей.
И мы с тобой июлю были рады.

Его другие месяцы давно
Сменили без возврата; мне одно
Лишь имя сквозь замерзшее окно
Заглядывает в память. Оттого ли,
Что это грех – любить на свете всех,
А не любить – такой же точно грех,
Без чьих-то слез неполон чей-то смех,
Без яви – сон, а вера в жизнь – без боли,
И без июля – этот зимний снег.

ЦЫГАНКА

1.

Кружевное розовое платье,
Серьги дразнят звонким серебром.
Я цыганку встретил на Арбате
Теплым, добродушным майским днем.

Шла она, задумавшись о чем-то,
Улыбаясь встречным москвичам;
И, как рябь прибоя в море Черном,
Волосы струились по плечам.

А лучи лились с небес в охотку,
Словно предлагали: погляди,
Как сверкают в такт ее походке
Бусы и мониста на груди.

Колдовские тонкие запястья
И лукавый взгляд из-под бровей.
Я, признаюсь, женщины прекрасней
В жизни не встречал еще своей.

Призраком явилась, миражом ли,
Был ли это сон средь бела дня?
Я лишь мог глядеть замороженно,
Как она уходит от меня.

И хотя до крайности обидно,
Остается лишь себя корить.
Нет бы под предлогом благовидным
Подойти к ней и заговорить.

Представляю, как бы мог сейчас я
Упиваться блеском карих глаз.
Что ж, прощай, упущенное счастье,
Видно, не судьба на этот раз.

Но теперь я загодя готовлюсь,
Повторяя по сто раз на дню:
Черт возьми надуманную скромность,
Черт возьми застенчивость мою.

Пусть случится повстречаться с нею,
Я себе в другой раз не прощу;
Вот вам слово, я умру скорее,
Чем свою цыганку упусти.

2.

Речь – дурман, глаза – приманка,
И к гадалке не ходи.
Обмани меня, цыганка,
Вокруг пальца обведи.

Посели мне в сердце ревность
Взмахом смоляных ресниц,
Нецелованной царевной
В полнолуние мне приснись.

Глянь, как подлинная леди –
На никчемных англичан,
Чтоб одной тобою бредил,
О тебе одной мечтал;

Чтобы путал зиму с летом,
Чтоб смешались ночь и день;
Чтобы неотступно следом
За тобой бродил, как тень.

Знаю, Бог не даст пропасть нам;
И когда-нибудь, глядишь,
Под моим напором страстным
Ты сама не устоишь.

И обоих нас – навечно,
Уж поверь мне наперед,
Обручальное колечко
Вокруг пальца обведет.

ФОТОГРАФИЯ

Михаилу Панину

Женское начало переменчиво,
Нам грешно их волю поощрять.
Но одна – единственная женщина
Мне могла велеть и запрещать.

Пусть она, бывало, заупрямится,
То не этак, это вдруг не так.
Верил я, она – моя избранница,
А капризы женские – пустяк.

Для чего стремился жить в угоду ей?
Словно с глаз упала пелена.
Пьяной полусладкою свободою
Упивается теперь она.

Будто наважденье, будто мания –
За любовь пожертвовать собой.
Я-то верил, коль она – судьба моя,
Я сумею стать ее судьбой.

Было бы мне вовремя задуматься,
Что всему назначена цена,
Что она – красавица и умница –
Мне не даром, может быть, дана.

Может, ею обладать не вправе я,
Как дождем, как ветром на дворе.
На стене осталась фотография
На перекидном календаре.

Мне на снимке том она пока верна,
Сердце в чистоте хранит свое...
Щелкает затвором фотокамера,
Обручая с вечностью ее.

* * *

Тень не напускаю на плетень я, –
Дни постылы, сны давно пусты.
Безнадежный пленник вдохновенья
И заложник женской красоты.

Сотни раз встречал ее во сне я,
Тысячу ночей провел без сна;
Точно чувствовал, что встреча с нею
Вечностью предопределена.

Лето начинало с подмалевка,
Нанося неброские штрихи.
Как река, Большая Пироговка,
Не спеша, втекала в Лужники.

Образ той, что снилась мне ночами,
Я переносил на чистый лист,
И, когда мы встретились случайно,
Различил ее из тысяч лиц.

Только был – предупреждением свыше –
Странный сон, как окрик, – берегись!
Будто с нею мы стоим на крыше,
И она соскальзывает вниз.

Знал бы я, чем сон мой обернется,
Бросил ли я вызов небесам?
Кто умен, – всегда остережется;
Только я был молод и упрям.

Верил, что бы ни случилось с нею,
Все напасти я перелистну.
И любил ее стократ сильнее,
Вопреки приснившемуся сну.

Но судьбу не провести с наскока,
Обух плетью не перешибешь...
Осень надвигается до срока,
К вечеру пойдет, возможно, дождь.

Я один. Один за все в ответе,
Сплю я или грежу наяву.
По Хамовникам гуляет ветер,
Разгоняя стылую листву.

* * *

На закате розовое марево
На вокзал набросила зима.
Я тебя не стану уговаривать,
Поезд подошел – решай сама.

Города тебе склонил я под ноги,
Подчинил все вотчины земли.
Но мои сомнительные подвиги
Впечатленья не произвели.

Страстью нам глаза не долго застило;
Плачь, не плачь, – сначала не начнем.
В первый раз мы расстаемся засветло,
Так и не доспорив ни о чем.

В наших спорах крыть обычно нечем мне,
Вечный выбор – пряник или кнут;
Но ворчливые противоречия
С головой обоих выдают.

Что за блажь – заранее оплакивать
И творить поминки наперед.
Мы ведь одиноки одинаково,
Этого никто не отберет.

Потому что нам пока ни разу ведь
Шанс такой не выпадал – любить.
И не нужно ничего доказывать,
И друг с другом – нечего делить.

МОСКОВСКИЙ ЛИВЕНЬ

Я снова заглянул к тебе с утра.
Спросонок ты была слегка капризна,
А захлестнувшая Москву жара
Отнюдь не добавляла оптимизма.

Я, как всегда, принес тебе цветы, –
Три крупных разноцветных хризантемы.
Я не устал надеяться. Но ты
Старалась не касаться скользкой темы.

А впрочем, я прочел в твоих глазах,
Воспользовавшись выпавшей минутой,
Что ты готова сделать шаг назад
И только слишком медлишь почему-то.

Казалось, шаг – и можно все вернуть.
В какой-то миг я думал, оставалось
Лишь поступиться гордостью чуть-чуть.
Но ты упрямылась и не сдавалась.

Нам помириться вновь не удалось.
Мы выбрали во двор неторопливо,
Когда внезапно всю Москву насквозь
Пронзил июньский первозданный ливень.

Прозрачные, как будто акварель,
Ни в ком не вызывая беспокойства,
От каждой капли, выпавшей на Кремль,
Бежали концентрические кольца.

Бульварное, Садовое кольцо...
И вплоть до кольцевой автодороги
Дождь то хлестал порывисто в лицо,
То вдруг, раскаявшись, стелился в ноги.

А мы с тобой, как прежде, без затей
Стояли под зонтом, обняв друг друга.
Как будто дождь нам послан был затем,
Чтоб вырваться из замкнутого круга.

ОККЕРВИЛЬ

Я вновь в твой дом забрел до зари.
Предательская нервная дрожь.
Снаружи снег слепит, хоть умри;
Оступишься – следов не найдешь.

Без умысла, а просто каприз;
Игра в слова – вопрос на вопрос.
И я как новичок – в первый раз,
Как будто все зимой невсерьез.

Смерть сумерек – порочная ночь.
Сорочка соскользнувшая с плеч.
И стоны – то ли смех, то ли плач;
И стены осветил лунный луч.

Унялся снегопад навсегда.
Наутро расставанье без сил.
Вода сочится из-подо льда.
Окраина. Река Оккервиль.

* * *

Прости, – довольно глупости плести;
Давно пора остановить свой выбор.
Мы маемся, как пойманные рыбы,
В сетях московской майской духоты.

Я стал, благодаря тебе, жесток.
Мне дорого далось – начать с начала.
Ты прежде никогда не умирала?
Я умирал. Теперь пришел твой срок.

Как смахивают крошки со стола,
Ты приговор произнесла в глаза мне.
Я сам не верил в силу предсказаний,
Которые наговорил со зла.

Казалось, мир открылся мне насквозь.
Мной не владели месть или обида.
Но нестерпимый привкус суицида
Доказывал, что худшее сбылось.

Напрасно все, день выжжен до золы;
И вечер ничего уже не значит;
Не в силах что-нибудь переиначить,
Ночь корчится на кончике иглы.

Сочится сквозь асфальтовый настил
Горячий яд отравленного мая.
Мы мечемся, мучительно глотая
Заразный воздух из последних сил.

ПЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

Февраль все выбелил вокруг.
В стремленье самоутвердиться
Он, как пластический хирург,
Трудился над лицом столицы.

Москва не сразу приняла
Его намеренья благие
И к середине февраля
Достигла грани летаргии.

Воздвиженка едва плелась,
По Знаменке ползла поземка,
Казалось, с воздуха велась
Замедленная киносъемка.

Но пыл мой вовсе не остыл.
Я не гадал, что станет с нами,
И словно ангела любил
Чертенка с карими глазами.

Я лишь себя виню вполне,
Что упустил для счастья час свой
И что с таким чертенком мне
Не светит снова повстречаться.

Я все сберег до мелочей.
Я помнил, как давно когда-то
Мы шли почти полночи с ней
На Сивцев Вражек от Арбата.

Мы молча вглядывались ввысь,
Как звезды нам неслись навстречу,
Покуда не перебрались
В затихшее Замоскворечье.

И не было счастливей нас,
Когда под утро, став смелее,
Мы целовались целый час
У Третьяковской галереи...

Жестокость женщины сродни
Изысканному сладострастью.
Она не сознает вины,
Бесцельно упиваясь властью.

И не считается ни с кем,
Когда решает моментально
Сбежать от мелочных проблем,
Надуманых, полуреальных.

Чертенок взял над нами верх,
Решившись разорвать все разом.
И, как в насмешку, как на грех,
Назавтра был церковный праздник.

С тех пор заклятие на мне
Лежит. И, как я ни стараюсь,
С утра в одном и том же дне
Неотвратно просыпаюсь.

И, словно вечность мне суля,
Вновь на календаре сегодня –
Пятнадцатое февраля.
Среда. И Сретенье Господне.

ДЕВОЧКА С ТАГАНКИ

Мне сегодня, братцы, не до пьянки,
Хоть бы вы поили задарма.
Золотая девочка с Таганки,
Как же ты свела меня с ума?

Для того ли я тебе поверил,
Чтобы на пудовые замки
Ты передо мной закрыла двери
И не отвечала на звонки?

Ведь ни разу я тебя не предал,
Никогда тебе не изменил,
Но до помрачения, до бреда
Как-то не нарочно полюбил.

За уменье от души смеяться,
Презирать разнеженность и лень,
За манеру стильно наряжаться,
За твои две сигаретки в день.

Зря я называл тебя малышкой,
Знал я, что ты режешь без ножа,
Что приличный кунцевский парнишка
Превратился в сущего бомжа.

Он, как я, считал себя причастным
К вечности, даря тебе цветы.
Мы теперь с ним – братья по несчастью,
И несчастье наше – это ты.

Только я из-за тебя не стану
Опускаться медленно на дно...
Братцы, я не прикоснусь к стакану,
Будь там хоть столетнее вино.

Бесполезно слушать назиданья,
Мой пример дороже дельных слов.
Кто связался с ангельским созданием
Должен быть к страданию готов.

Пусть гордится стройностью осанки,
Ей не я, а Бог один судья...
Солнечная девочка с Таганки,
Золотая девочка моя!

* * *

Я проиграл. Но я еще живой.
А коли так, я все-таки уверен,
Последний бой – останется за мной.
И значит – я сдаваться не намерен.

Проходит все, сказал Экклезиаст.
Но я себе позволю усомниться,
Ведь я борюсь не за себя – за нас,
И мне простится легкая ехидца.

Я преклоню колени в честь твою
В преддверье неизбежного сраженья,
Ведь лучше быть поверженным в бою,
Чем выжить, испугавшись поражения.

Смысл – не в победе. Но и не в судьбе,
Не в том, что кажется неотвратимым;
И не во мне, и даже не в тебе,
А в том, чтобы любить – и быть любимым.

И пусть я буду обречен, и пусть
Умру заложником чужих решений,
Но я твержу упрямо наизусть:
Боящийся – в любви несовершенен.

Пусть все, кого любил и с кем дружил,
Советуют – смирись, остынь, расстанься.
Я проиграл. Но я покуда жив.
И значит – до последнего не сдамся.